

А.Ю. Желтов

«Африка» в российском дискурсе: тексты и смыслы»

A.Yu. Zheltov

“Africa” in Russian discourse: texts and significances”

Ключевые слова: Африка, Россия, дискурс, смыслы.

Keywords: Africa, Russia, discourse, significances.

Российский общественный дискурс (во многом, справедливо) считает себя свободным от расизма и расовой дискриминации по отношению к Африке и африканцам: у России не было колоний в Африке, она не имела отношения к трагическим событиям работорговли. Когда наши футболисты отказываются встать на колени и поучаствовать в акциях BLM, я могу их понять – например, у бельгийских футболистов, которые, впрочем, тоже абсолютно не ответственны за политику короля Леопольда в Бельгийском Конго – они родились намного позже, а многие игроки - потомки, скорее, «жертв», чем «угнетателей» – все же есть некоторая ответственность за историю «флага», под которым они выступают. У «флага», под которым выступают наши футболисты, за ужасы работорговли и колониализма ответственности нет.

Отсутствие ответственности за трагические события, связанные с Африкой, все же не является гарантией безупречности дискурса и терминологии, которые, как мне кажется, требуют некоторой верификации. Подобная верификация становится возможной при обращении к «Национальному корпусу русского языка» [1] - ресурсу, предоставляющему большие возможности в исследовании дискурса и языка по самым разным параметрам.

Мне неоднократно приходилось спорить с собеседниками (причем, иногда, к этим собеседникам относились и коллеги-африканисты) по поводу корректности употребления в русском языке слова «негр». Понятно, что русское «негр» не несет за собой всех отрицательных коннотаций, которые

содержатся в английских “negro” и “nigger” (прежде всего, из-за отсутствия в российском контексте тех самых «работоторговли и колониализма»). Однако утверждения, что за этим словом в русском языке не закреплена никакая отрицательная (пейоративная) семантика не подтверждаются данными Корпуса. Прежде всего, обратимся к устойчивым, частотным случаям его употребления: «работали как негры (на плантации)», «литературный негр», «Да что я ему — негр, что ли?» (сюда же можно отнести коррупционно-научомеритическую инновацию - сайт «Научный негр», занимающийся написанием научных текстов за деньги). Вряд ли у кого-нибудь могут возникнуть сомнения, что в этих устойчивых словосочетаниях лексема «негр» отчетливо коррелирует со словом «раб». К явлению работоторговли русскоязычный дискурс не причастен, но в семантике термина, очевидно, воспроизводит ассоциацию «негр» - «раб». Есть и некоторые более частные примеры из того же Корпуса:

«Когда Леля вышла замуж за красавца-художника Алисаттара Атакшиева из Института Народов Востока, Константин Сергеевич сказал: **«Я уже думал, это будет негр».**

«Хорошо, если попадет это несчастное «я» в другого человека и заживет там своей жизнью, **а вдруг это будет негр, или китаец, или индус?»**

«Какой-никакой, а все-таки не плотник-столяр и не негр!»

«Да ты бы там **вообще негром** родился. — **Сам ты негр...**»

«Хочу отдохнуть по-людски, поваляться у океана на белом песочке. **В конце концов я — не негр.** Пашу и пашу.»

Мне кажется очевидным, что и в этих контекстах употребление слова «негр» не является нейтральным. Возникает естественный вопрос, почему в дискурсе, где нет социально-политических оснований для пейоративной семантики термина, она, все же, отчетливо наблюдается? Слово «негр» не является уникальным ни для русскоязычного дискурса, ни для многих других. Оно

стоит в одном ряду с «бледнолицые», «краснокожие», «гринго», «черные», «тубабу», «мзунгу» и опирается на биологизацию «инога», его «десоциализацию» и «раскультирование», идентификацию по биологическому признаку, игнорирующую социальное, культурное и индивидуальное. Это явление, к сожалению, наблюдается и в Африке: термины «тубабу» (Западная Африка) и «мзунгу» (Восточная Африка) – это африканские аналоги «негров» для нас, «европейцев» или «белых», и они также не являются нейтральными, скорее, пейоративными, о чем говорят, как этимология, так и их функционирование. С «мзунгу» в Восточной Африке я лично не сталкивался (видимо, «работает» бóльшая «политкорректность» в более туристических регионах), а с «тубабу» в Западной Африке – неоднократно. Отчетливый критерий «неправильности» термина – это его неиспользование в качестве самоназвания: африканцы не называют себя «неграми», а мы (я надеюсь) – «белыми».

Насколько распространено в русскоязычном дискурсе использование пейоративного «негр» по сравнению с нейтральным «африканец»? Корпус русского языка дает довольно неутешительный ответ (обращение 9.01.2022):

«Негр» - 676 документов, 1 850 вхождений;

«Негры» - 477 документов, 1 055 вхождений;

«Африканец» - 61 документ, 107 вхождений;

«Африканцы» - 90 документов, 116 вхождений.

Совокупная разница употребления в единственном и множественном числе в 13 раз в пользу «неполиткорректного» «негр/негры». Можно было бы попытаться объяснить это тем, что к термину «негр» относятся не только африканцы, но и афроамериканцы, но проверка по Корпусу подобное объяснение не допускает:

"афроамериканец" - 10 документов, 10 вхождений.

"афроамериканцы" - 18 документов, 32 вхождения.

Эти цифры, очевидно, не могут компенсировать разницу. Интересно, что более нейтральный термин «африканцы» несколько набирает статистику (по сравнению с «негры») именно во множественном числе (разница все равно остается, но не в 17 раз, как в единственном числе, а в 9). Причем, если проанализировать только современную (начиная с 1991 года) часть корпуса, то эта тенденция становится еще более заметной:

«Негр» - 586 вхождений;

«Негры» - 258 вхождений;

«Африканец» - 35 вхождений;

«Африканцы» - 79 вхождений.

Разница составляет все те же почти 17 раз для единственного числа, но всего 3 раза – для множественного. Можно предположить, что групповая идентификация стремится к более нейтральным формам, чем индивидуальная, более склонная к биологизации, и в постсоветское время данная тенденция усиливается.

Если сравнить частоту использования самого общего термина «Африка» (540 документов, 819 вхождений), то даже он проигрывает биологическому и «неполиткорректному» «негр/негры» более, чем в 3 раза.

Далее рискну обратиться к «высокой словесности» - к «Африке» и «неграм» в русской поэзии. Рассмотрим два примера поэтического текста начала 20 века. Оба автора – Маяковский – по причине идеологического «интернационализма», а Гумилев – из персонального опыта путешествий – вне подозрений в сознательно пейоративном отношении к «неграм» или Африке. Но вот цитата из Маяковского:

Да будь я

и негром преклонных годов,

и то,

без унынья и лени,

я русский бы выучил

только за то,

что им

разговаривал Ленин.

Синтаксис начала строфы («да будь я и негром, и то...»), очевидно, означает: «будь я самым ничего не понимающим, не образованным, т.е. «негром», и то бы выучил русский язык, а уж, тем более, если бы я был кем-то более «продвинутым» ...» Подозреваю, что возможны другие интерпретации, но я отчетливо читаю текст именно так.

Сейчас я перехожу к, на самом деле, одному из моих любимых стихотворений Н.С. Гумилева, которое, в каком-то смысле, может считаться гимном российской африканистики, как Киплинг - певцом английской ориенталистики:

...И твое раскрывая Евангелие,

Повесть жизни **ужасной и чудной**,

О **неопытном** думаю ангеле,

Что приставлен к тебе, **безрассудной**.

Про деянья свои и фантазии,

Про **звериную** душу послушай,

Ты, на дереве **древнем Евразии**

Исполинской **висящая грушей**...

Замечательные поэтические строки, но пронизанные европоцентрично-покровительственным отношением к Африке (при этом, да, очень личным,

романтическим и сочувственным): Африка – «ужасная, чудная, безрассудная», «со звериной душой» и «с неопытным ангелом», и при этом, как сейчас нам известно, «родина человечества» - Африка - «грушей» висит на «дереве древней Евразии». Собственно, другого отношения к Африке было бы трудно ожидать в эту эпоху, для которой сочувственный романтизм Гумилева был, наверное, наиболее гуманистическим взглядом на Африку.

Я совсем не пытаюсь призвать переписывать или цензурировать ни Гумилева, ни Маяковского, ни Киплинга, ни «Хижину дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1852 год). Если в современной литературе идет описание реалий 19 (середины 20 века), то герой, наверное, будет использовать «N-word», иначе текст будет выглядеть странно. Возможно, в дискурсе очень близких дружески-шутливых, сугубо личных, отношений с очевидным оттенком (само)иронии мы можем использовать «N-words», как в компании очень близких старинных друзей мы можем изредка использовать т.н. «ненормативную лексику» как некий маркер особой доверительности отношений. Понятно, что, как мы не обижаемся на африканских детей, бегущих за нами с криками «Тубабу, тубабу...», так и наши африканские друзья и коллеги, надеюсь, не будут обижаться на фразу ребенка в магазине «Мама, смотри, негр!». Но в современном публичном, общественном, публицистическом, научном, учебном, медиа дискурсе «N-word» может использоваться только как пример негативной биологизации и дискриминации «чужого/иного» (и в русском языке - тоже). В принципе, и детям полезно было бы объяснить, что определение человека по его чисто биологическому признаку («жирный», «жердй», «лысый», «черный» и т.д.) – это есть некоторое его «расчеловечивание» и, следовательно, не должно использоваться.

Ссылки

Национальный корпус русского языка. 2003—2021. Доступен по адресу: ruscorpora.ru